

Еремеева Ирина Викторовна*Харьковский политехнический институт (Харьков, Украина)*

«МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕАТРАЛЬНЫХ КРУГОВ НАДДНЕПРЯНСКОЙ УКРАИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, ставшая громким заключительным аккордом XIX в., оказала огромное влияние на повседневную жизнь ее современников. Военные будни сменили спокойную мирную жизнь, создали новый, окопный быт солдат, сформировали особую, «экстремальную» повседневность жителей тыла.

30 июля 1914 г. указом Николая II в Российской империи была объявлена мобилизация, затронувшая в том числе и работников сцены. Выдающийся украинский актер и режиссер Николай Садовский вспоминал, что уже в первые дни мобилизации из его театральной труппы в армию были призваны 10 актеров и хористов [9]. Так как все они участвовали в основных спектаклях, возникла острая необходимость их замены. Поэтому антрепренер спешно пригласил новых хористов, а актеры, приписанные к киевскому гарнизону, продолжали участвовать в спектаклях. Сложность ситуации заключалась в том, что мобилизованным строго запрещалось покидать пределы казармы — это приравнивалось к уклонению от воинской повинности и влекло за собой арест. Но изобретательные антрепренеры ловко обходили уставные правила и известным способом договаривались с гарнизонным начальством о том, чтобы актеров отпускали на спектакли. Однако на афишах их имена намеренно не указывались и документально данный факт не фиксировался. Впрочем, законодательно поощряемые в России доносы делали свое дело: за театрами пристально следил военный комендант Киева, время от времени инициировавший тщательные проверки. Одним из проверяющих коменданта был некий плац-адъютант Иван Афнер. Он буквально обладал «собачьим чутьем» и за свое имя и любовь к проверкам получил от киевских актеров издевательское прозвище «дядя Ваня». На случай его визита Н. Садовский имел особый план. Зная, что «дядя Ваня» в первую очередь заходил в театральную контору, отдал распоряжение немедленно звонить из нее в уборную антрепренера и предупреждать о незваном госте. Управляющий труппой, в свою очередь, подавал мобилизованным актерам особый знак, и в антракте те шли не в примерную,

а прятаться. Кроме того, перед спектаклями они вешали в артистических уборных гражданские пальто, а шинели сдавали в гардероб.

Актеры, которых не затронула мобилизация, тоже почувствовали вкус тыловой повседневности. Вследствие Великого отступления российской армии дыхание войны ощущалось в большинстве городов, включая и Киев. Летом 1915 г. по городу поползли слухи о возможности наступления на город немцев [2, с. 272]. Страх горожан усилили ускоренное строительство понтонных мостов через Днепр и эвакуация в Саратов Киевского Императорского университета Св. Владимира [2, с. 272; 4]. Долгое время оставалась неизвестной судьба грядущего театрального сезона: только в конце августа Городская дума предложила антрепренерам заняться подготовкой спектаклей [2, с. 272].

Осенью 1915 г. постановлением главного начальника Киевского военного округа был установлен четкий распорядок проведения развлекательных мероприятий [10, л. 605]. В Киеве и поселке Демиевка (ныне входит в черту города. — *И.Е.*) запрещалось начинать спектакли до 20:00 и заканчивать их позже 23:30. Кафе-шантаны работали с 21:30 до 1:00. Раньше, чем все остальные развлекательные заведения, имел право открываться только оперный театр (не ранее 19:45), поскольку тут была установлена собственная электростанция. Освещать витрины, вывески, рекламу магазинов и развлекательных заведений, зажигать «наружные» фонари не разрешалось. Подобный «конец света» являлся вынужденной мерой против ночных воздушных бомбардировок, неизвестных гражданам империи до Первой мировой войны.

Несмотря на тревожные слухи и полные драматизма вести с фронта, театральные труппы не меняли плотного гастрольного графика. Русский актер Павел Гарянов с ужасом сравнивал войну с «кровавым кошмаром», но при этом отмечал, что не прекращал активно гастролить и работать во многих крупных городах, в том числе Киеве, Одессе и Харькове [1, с. 126].

Со страхом описывал тыловой быт и актер Николай Радин, однако так же беспечно добавляя: «А тут театр, мелкие заботы о собственном комфорте, кинематограф...» [8, с. 92—93].

Актер Михаил Нароков отмечал, что первые годы войны сложились для его карьеры благополучно [7, с. 179]. И рассказывал, как спокойно и охотно ездили на гастроли в Екатеринослав, Харьков, Кишинев, Одессу не только провинциальные служители сцены, но и актеры императорских театров.

Артист Александринского театра Яков Малютин в своих мемуарах писал о гастрольной поездке 1915 г. так, будто она проходила в мирное время [5, с. 125]. Даже эпизод ночного нападения на Одессу турецких

военных кораблей «Явуз Султан Селим» и «Мидилли» он (признавая, впрочем, тревожное состояние актеров) воспринял скорее как увлекательное приключение, чем как суровый эпизод грандиозной кровавой бойни. Я. Малютин также отметил, что, несмотря на ночное потрясение, вечером театр был забит зрителями. Этот факт приподнимает занавес над причинами некоторого безразличия служителей сцены к театру военных действий: большинство представителей городского населения в этот страшный период стремились даже не брать, а отчаянно хватать от жизни всё. И актеры жизнелюбиво следовали их примеру, заражаясь оптимизмом (или скорее фатализмом) своего зрителя.

С вступлением Российской империи в войну остро встал вопрос помощи фронтовикам и их семьям. Благотворительность, и до войны занимая значительное место в театральной среде, с началом военных действий получила еще более широкое распространение. Провинциальные труппы, «желая оказать посильную помощь», отчисляли часть своих гонораров (а иногда и весь сбор от спектаклей) на нужды фронта и пострадавших от войны [11, л. 1]. Кроме спектаклей в пользу «воинов-ратоборцев» артисты устраивали в общественных местах кружечные сборы. В декабре 1915 г. киевские артисты собирали подобные пожертвования, одевшись в украинские национальные костюмы. Хотя такие акции не предполагали крупных денежных взносов, артистам все же удалось в 1916 г. собрать 30 тыс. рублей [3, с. 44].

Летом 1916 г. в Российской империи объявили о реквизиции театральных помещений под лазареты: раненых оказалось гораздо больше, чем предполагалось военными стратегами в начале войны. Свою лепту в организацию госпиталей внесли и артисты. В их среде, как писал режиссер Вахтанг Мчедлов, все были «очень увлечены лазаретами» [3, с. 44]. Некоторые известные деятели искусства, театральные труппы и студии открывали больницы на свои средства. Например, после закрытия киевского украинского клуба, объединившего в 1908 г. деятелей культуры, в его помещении украинские патриоты организовали госпиталь для раненых. Н. Садовский вспоминал, что новый клуб с лазаретом назывался неоднозначно — «Родина» [9]. Принимая во внимание значение данной номинации в русском языке («отечество», «родная земля»), все выглядело более чем патриотично, как и подобает в военное время. А с украинского языка слово «родина» переводится как «семья», что также было символично, поскольку в госпиталь доставляли преимущественно солдат украинского происхождения, которых лечили доктора-украинцы. Однако в годы войны здесь не только помогали раненым. Клуб стал местом консолидации украинских революционных сил: в нем проводи-

лись нелегальные собрания Товарищества украинских прогрессистов, хранили и распространяли запрещенную литературу [4, с. 520].

Таким образом, Первая мировая война коренным образом изменила жизнь и быт актеров Надднепрянской Украины. Многие из них попали под мобилизацию. Главными особенностями повседневного уклада актеров, не подлежащих призыву на фронт, стали дефицит профессиональных кадров, ужесточение административного контроля над театрами, уменьшение количества театральных помещений и постоянное столкновение с жестокими реалиями тыловой жизни.

Библиографический список

1. Гарянов, П.А. Актеры. Театральные записки / П.А. Гарянов. — Челябинск: Челяб. театр. изд-во, 1957. — 176 с.
2. Григор'єв, Г. У старому Києві. Спогади / Г. Григор'єв. — Київ: Радян. письменник, 1961. — 360 с.
3. Дадамян, Г.Г. Театр в культурной жизни России в годы Первой мировой войны / Г.Г. Дадамян. — М., 1987. — 77 с.
4. Кириєнко, О. Перші хвилини української революції у спогадах Людмили Старицької-Черняхівської / О. Кириєнко // Укр. археограф. щорічник. — Київ, 2007. — Вип. 12. — С. 517—533.
5. Малютин, Я.О. Актеры моего поколения / Я.О. Малютин. — Л.; М.: Гос. изд-во «Искусство», 1959. — 356 с.
6. Михальченко С.И. Воспоминания Е.В. Спекторского как источник по истории университетской жизни в годы Первой мировой войны / С.И. Михальченко // Вестн. архивиста.ru [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru/2014-1/2902-lvospominaniiar-ev-spektorskogo-kak-istochnik-po-istorii-yniversitetskoj-jizni-v-gody-pervoi-mir.html>. — Дата доступа: 04.08.2014 г.
7. Нароков, М. Биография моего поколения / М. Нароков. — М.: Всерос. театр. общ-во, 1956. — 304 с.
8. Радин, Н.М. Автобиография. Статьи. Выступления. Письма. Статьи и воспоминания о Н.М. Радине / Н.М. Радин. — М.: Всерос. театр. общ-во, 1965. — 381 с.
9. Садовський, М.К. Мої театральні згадки / М.К. Садовський. — Київ: Держ. вид-во України, 1930 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://library.kr.ua/elib/sadovskiy/sad.html>. — Дата доступа: 06.08.2014.
10. Центральный государственный архив Украины. — Фонд 285. — Оп. 1. — Д. 629. — Л. 668.
11. Центральный государственный архив Украины. — Фонд 285. — Оп. 1. — Д. 638. — Л. 42.